

ОБЩИНА КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ФИНЛЯНДИИ В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

М. С. Попова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 16 марта 2021 г.

Аннотация: *рассматривается важнейший элемент социальной структуры населения Финляндии в период раннего Средневековья – община. Основой для исследования служит синтез языковых, археологических и социологических данных.*

Ключевые слова: *община, финны, саамы, социальная структура, раннее Средневековье.*

Abstract: *the article deals with a problem of social relations in the population of Finland during the early Middle Ages. The author researches a concept of community as an element of social organization.*

Key words: *community, Finns, Sami, social structure, early Middle Ages.*

Община как важнейшая социальная единица общества Финляндии периода раннего Средневековья требует отдельного рассмотрения. В финском языке существует аутентичное слово, обозначающее общину, – *pitäjä*. После принятия христианства это слово стало использоваться в значении прихода, однако изначальный его смысл не был до конца утрачен. Так, уже в период шведского владычества это слово приобрело значение «волость» [1, с. 13]. По мнению ученых, это слово первоначально употреблялось у суоми и хяме, что говорит о более раннем развитии общественной жизни у этих народов в период раннего Средневековья [2, с. 249].

В таком случае развитие финской общины – *pitäjä* – более всего соответствует развитию славянских погостов как отдельных сельбищ, а впоследствии объединений таких сельбищ, где наиболее крупное является главным. С течением времени термин *pitäjä* получил религиозное значение (приход) и гражданское (волость) [1, с. 3]. Несмотря на то что слово *pitäjä* является аутентичным, многие ученые считают, что при формировании такого важного элемента социальной жизни, как община, весьма вероятны внешние влияния, например, славянское или литовское [3, с. 86].

Управление общиной осуществлялось собранием – *keräjä*. Это слово не заимствовано финнами и является аутентичным. Впоследствии смысл этого термина перерастает в значение суда. Для обозначения главы собрания использовалось слово *kuhn* (вепс.), впоследствии им называли любого барина, еще позже – чиновника. А. Алквист также считает, что этим термином могли обозначать военного вождя во время войн [4, с. 153].

В целом факт наличия у финнов такого элемента социальной организации, как община, особенно важен еще и по той причине, что, как утверждает ученый Э. Коэн, понятие «община» следует трактовать как особое «вместилище символов», обозначающее «осознание принадлежности» к сообществу («the sense of belonging»). Именно в общине приобретаются и реализуются качества «быть социальными», и именно здесь постигается культура [5, с. 82].

В социальных науках понятие «община» используется как аналитическая категория, определяющая основные параметры социального института. В этом случае предполагается общность норм и ценностей, разделяемых членами общины, преобладание личных отношений в системе коммуникации, а также наличие соответствия между социальным организмом и территориальной общностью, что дает основание использовать в этом контексте понятие «локальное сообщество».

Община являлась основной формой социальной организации и в обществе западных саамов. Специфика саамской общины – *siida* – требует более детального рассмотрения. Несмотря на то что впервые в письменных источниках термин «*siida*» фиксируется в 1571 г., концепт данной социальной единицы значительно древнее термина. Археологические данные стоянок и могильников и *Selešnjárga*, *Vieranjárga* побережья Варангер-фьорд полностью подтверждают существование общинных структур у западных саамов в период раннего Средневековья. Об этом свидетельствует характер расселения на территории стоянок, тип построения жилищ, их кучность [6, с. 181].

Siida представляла собой группу домохозяйств (или семей), имеющих общее сезонное поселение (зимнее или летнее), коллективно осваивающих определенную территорию [7, с. 13]. В обществе западных саамов «*siida*» – это форма саамского термина, ис-

пользуемого с небольшими диалектными вариациями во всем ареале проживания саамов для обозначения общинной формы организации.

Обращает на себя внимание разнообразие значений, ассоциируемых с понятием «siida» в среде западных саамов. М. С. Куропятник считает этот термин одним из самых полисемантических, применяемых для обозначения социальных общностей, обладающих различными демографическими и качественными характеристиками; зимнего поселения как фактора поддержания и выражения целостности общины; осваиваемой группой территории как основы ее жизнедеятельности; культовой общности [8, с. 81].

Механизм формирования и характер системы siida у саамов являются дискуссионными аспектами. Наиболее спорный характер имеет вопрос о том, являлась ли эта форма социальной организации общесаамской или даже единственной в контексте социальных отношений этноса [9, р. 101]. Э. Манкер выделяет три основные модели функционирования siida:

1) центральную – с общим зимним поселением и миграциями в весенне-осенний период;

2) круговую, в соответствии с которой лесные саамы в предгорьях гор передвигались по кругу, при этом в пределах осваиваемой ими территории были расположены постоянные стоянки сезонного обитания;

3) челночную, практикуемую горными саамами, которые два раза в год совершали длительные перекочевки между зимним поселением, расположенным во внутренних лесных районах, и летним, находящимся на побережье [10, р. 58].

При этом наиболее архаичной является модель, в соответствии с которой община, совпадающая с поселением, сохраняла единство в зимний период и распадалась на отдельные группы, которые совершали перекочевки по традиционному сложившемуся маршруту в течение остальной части года. В ядро совместно кочевавшей группы входили несколько родственных, по определению В. В. Чарнолуцкого, «братских» семей [11].

Siida горных саамов-оленьеводов представляла собой единство летом и распадалась на несколько зимних siida. В процессе перехода от охоты и рыболовства к специализированной оленеводческой форме экономической деятельности произошли трансформация концепта siida и сужение объема понятия.

Благодаря тому что саамы по-прежнему населяют территории Финляндии, Норвегии и Швеции, предоставляется широкий простор для построения социально-теоретических моделей и реконструкций. Так, в настоящее время среди южных групп саамов Норвегии термин «siida» относится только к небольшой совместно кочующей группе. Однако даже полностью кочевой образ жизни, как правило, не приводит к ис-

ключению охоты, рыболовства или сельского хозяйства из структуры жизнеобеспечения группы.

Со временем кочевой образ жизни, подразумевающий наличие огромных стад оленей, стал рассматриваться как нормативный и подлинно «саамский образ жизни», а также как метафора саамской культуры в целом [8, с. 83]. Широко распространенное представление о саамской принадлежности (Saami-ness) ассоциируется с характерными адаптивными признаками и особенно с теми из них, которые отличают саами от их соседей другого этнического происхождения [12, с. 81].

Локальные общины береговых саамов Северной Норвегии называются finnebygd (саамские деревни) и в социальном отношении аналогичны siida. Следует отметить, что дифференциация между саамами-оленьеводами внутренних районов и теми общинами, основным средством жизнеобеспечения которых было рыболовство, зафиксирована в письменных источниках уже в конце XVI в. [13, р. 104]. Исследователи отмечают также отчетливое различие береговых саамов и саамов внутренних территорий, существовавшее в сфере экономической интеграции и торговых отношений [14, р. 329].

Определяющие факторы функционирования siida – ее территориальность, т. е. факт совместного проживания и освоения ресурсов определенной территории, а также определенное экономическое единство. Наличие общих интересов и разделяемой системы ценностей также являлись важными принципами функционирования группы. В ряде случаев основополагающими для формирования siida были также отношения родства и свойства. Как правило, ее ядро составляла группа, состоящая из родных братьев (сестер) или несколько таких групп [15, р. 270].

В течение длительного времени в этнологии, социальной антропологии и социологии доминировали представления о противопоставлении связей по родству территориальным отношениям. Однако, как справедливо было отмечено А. Н. Максимовым в его работе «Теория родового быта», «у нас нет данных для строгого противопоставления родственных союзов союзам территориальным и тем самым для признания первых более ранними, чем вторые» [16, с. 349].

Принцип родства реализовывался, прежде всего, в ежедневной хозяйственной деятельности, когда братья, а также лица с приобретенным родством и свойственники определенного поколения сотрудничали друг с другом как члены одного коллектива [17, р. 36]. Таким образом, siida может рассматриваться как союз семейно-родственных групп, одна из которых, как правило, доминирует. Временный характер возникающих союзов обеспечивает гибкость всей системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лялина М. А.* Очерки истории Финляндии (от древнейших времен до начала XX столетия) / М. А. Лялина. – СПб. : Изд. В. Березовский, 1908. – 302 с.
2. *Майков Л.* О древней культуре западных финнов по данным их языка / Л. Майков // Журнал Министерства Народного Просвещения. Декабрь. 1877. Пятое десятилетие. Часть СХСIV. – СПб. : Тип. В. С. Балашева и Ко, 1877. – С. 239–281.
3. *Thomsen V.* Beriginger mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog / V. Thomsen. – Kobenhavn, 1891. – 192 s.
4. *Ahlquist A.* Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen : ein Beitrag zu der älteren Kulturgeschichte der Finnen / A. Ahlquist. – Helsingfors, 1875. – 346 s.
5. *Walton G. M., Cohen G. L.* A question of belonging : race, social fit, and achievement / G. M. Walton, G. L. Cohen // Journal of Personality and Social Psychology. – 2007. – Vol. 92: 1. – P. 82–96.
6. *Myhre B.* The Iron Age. Volume 1 : Prehistory to 1520 / B. Myhre // The Cambridge History of Scandinavia. – New York : Cambridge University Press, 2003. – P. 60–93.
7. *Manker E.* The Nomadism of the Swedish Mountain Lapps. The siidas and their migratory routes in 1945 / E. Manker // Acta Lapponica VII. – Stockholm : Hugo Gebers Förlag, 1953. – 265 p.
8. *Куропятник М. С.* Коренные народы в процессе социальных изменений / М. С. Куропятник ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 240 с.
9. *Aikio P.* The Predicament of Sami Cultural Sovereignty / P. Aikio // Social Change and Space. Indigenous Nations and Ethnic Communities in Canada and Finland / ed. by L. Muller-Wille. – Montreal : McGill University, 1989. – P. 101–110.
10. *Manker E.* The People of eight seasons. The Story of the Lapps / E. Manker. – New York : The Viking Press, 1964. – 214 p.
11. *Чарнолуский В. В.* Материалы по быту лопарей : опыт определения кочевого состояния лопарей Восточной части Кольского полуострова / В. В. Чарнолуский. – Л. : Издание Государственного Русского географического общества, 1930. – 176 с.
12. *Туэн Т.* Кочевое оленеводство саами Северной Норвегии в условиях трансформаций / Т. Туэн // Олень всегда прав / отв. ред. Н. И. Новикова. – М. : Стратегия, 2003. – С. 74–89.
13. *Svensson T.* Local Communities in the South Sami Region. An Important Issue in a Legal Decision Regarding Rights of Principle / T. Svensson // The Saami National Minority in Sweden / ed. by B. Jahreskog. – Uppsala : Berg, 1982. – P. 102–116.
14. *Hansen L. I.* The Saami Hunting Society in Transition : Approaches, Concepts and Context / L. I. Hansen // Historia Fenno-Ugrica 1. Vol. 1 ; Congressus Primus Historiae Fenno-Ugricae. – Oulu : Societas Historiae Fenno-Ugricae, 1996. – P. 315–334.
15. *Ingold T.* Hunters, pastoralists and ranches. Reindeer economies and their transformations / T. Ingold. – Cambridge : Cambridge University Press, 1980. – 340 p.
16. *Максимов А. Н.* Теория родового быта / А. Н. Максимов // Сборник в честь 70-летия Д. Н. Анучина. – М. : Общество естествознания, антропологии и этнографии, 1913. – С. 333–351.
17. *Pehrson R.* The bilateral network of social relations in Könkämä Lapp district / R. Pehrson. – Bloomington : Indiana University Research Center in Anthropology, Folklore and Linguistics, 1957. – 130 p.

Воронежский государственный университет
Попова М. С., кандидат исторических наук, преподаватель
E-mail: middle_ages@inbox.ru

Voronezh State University
Popova M. S., Candidate of Historical Sciences, Lecturer
E-mail: middle_ages@inbox.ru